

Путешествия из Сибири в Сибирь

З. Каневский,
А. Киселев

Север, воля, надежда – страна без границ.
Снег без грязи, как долгая жизнь без вранья...

В. Высоцкий

Travels from Siberia in

Загадочное и трагическое идут в Арктике рука об руку. Погибшие и исчезнувшие экспедиции далекого прошлого, суда Русанова и Брусилова, пропавшие уже в XX в., исчезнувший самолет Сигизмунда Леваневского, секреты, связанные с эпопеей спасения ледоколом "Красин" генерала Нобиле, переплетаются с таинственными "Делами..." об уничтожении советских полярников (моряков, летчиков, зимовщиков).

"Большой террор", бушевавший в 20–50-х гг. нашего столетия на Большой земле, громким эхом отозвался в высоких широтах – на Крайнем Севере, в Арктике.

Сегодня можно утверждать с полной уверенностью: не было в Советском Заполярье ни одной сферы человеческой деятельности, ни единого самого что ни на есть беломедвежьего уголка, до которого не дотянулись бы карающие органы, откуда не повезли бы на скорый суд и быструю расправу наших полярников: моряков, летчиков, исследователей, хозяйственных и партийных работников, портовиков, строителей, представителей коренных народностей и т. п.

Всесоюзный Арктический институт (нынешний ордена Ленина Арктический и Антарктический институт в Ленинграде) был зачинателем подавляющего большинства исследовательских операций на Крайнем Севере, многих самых громких плаваний, полетов, дрейфующих экспедиций. И одним из первых в этом ряду, безусловно, стал спасательный рейс ледокола "Красин" в 1928 г. Начальник экспедиции Р.Л. Самойлович был награжден только что учрежденным орденом Трудового Красного Знамени, а в 1935 г. за выда-

ющиеся работы в Арктике ему был вручен орден Ленина. Депутат Ленсовета, вице-президент Географического общества СССР, член Международного морского арбитража, почетный член географических обществ мира, Рудольф Лазаревич Самойлович был в 30-е гг. одной из самых заметных и уважаемых фигур в Ленинграде (и, разумеется, в Арктике).

Яркая, счастливая жизнь, любимые и любящие люди вокруг, преданные ученики, родной институт, ежегодные плавания в морях Ледовитого океана, посещение высокоширотных островов и архипелагов, мечты о Земле Санникова – чего еще может желать исследователь? Но над страной сгустились тучи...

Впрочем, началось это, как мы теперь знаем, отнюдь не в 30-е годы, и кто из полярников пал первой жертвой беззакония – неизвестно. Известно лишь, что уже вскоре после революции начали карать тех арктических гидрографов, кого судьба связала с Колчаком. В 1930 году был арестован профессор-геолог Павел Владимирович Виттенбург, товарищ Самойловича по шпицбергенским изысканиям, исследователь Кольского полуострова, Новой Земли, Северной Якутии, острова Вайгач. Он организовал в 20-х годах в Ленинградском университете кафедру географии полярных стран, начавшую выпускать первых в стране дипломированных специалистов-североведов (после ареста Виттенбурга эту кафедру принял Самойлович).

И повезли Павла Владимировича "из Сибири в Сибирь", на остров Вайгач, в свинцово-цинковые рудники, туда, где он успел уже сделать круп-

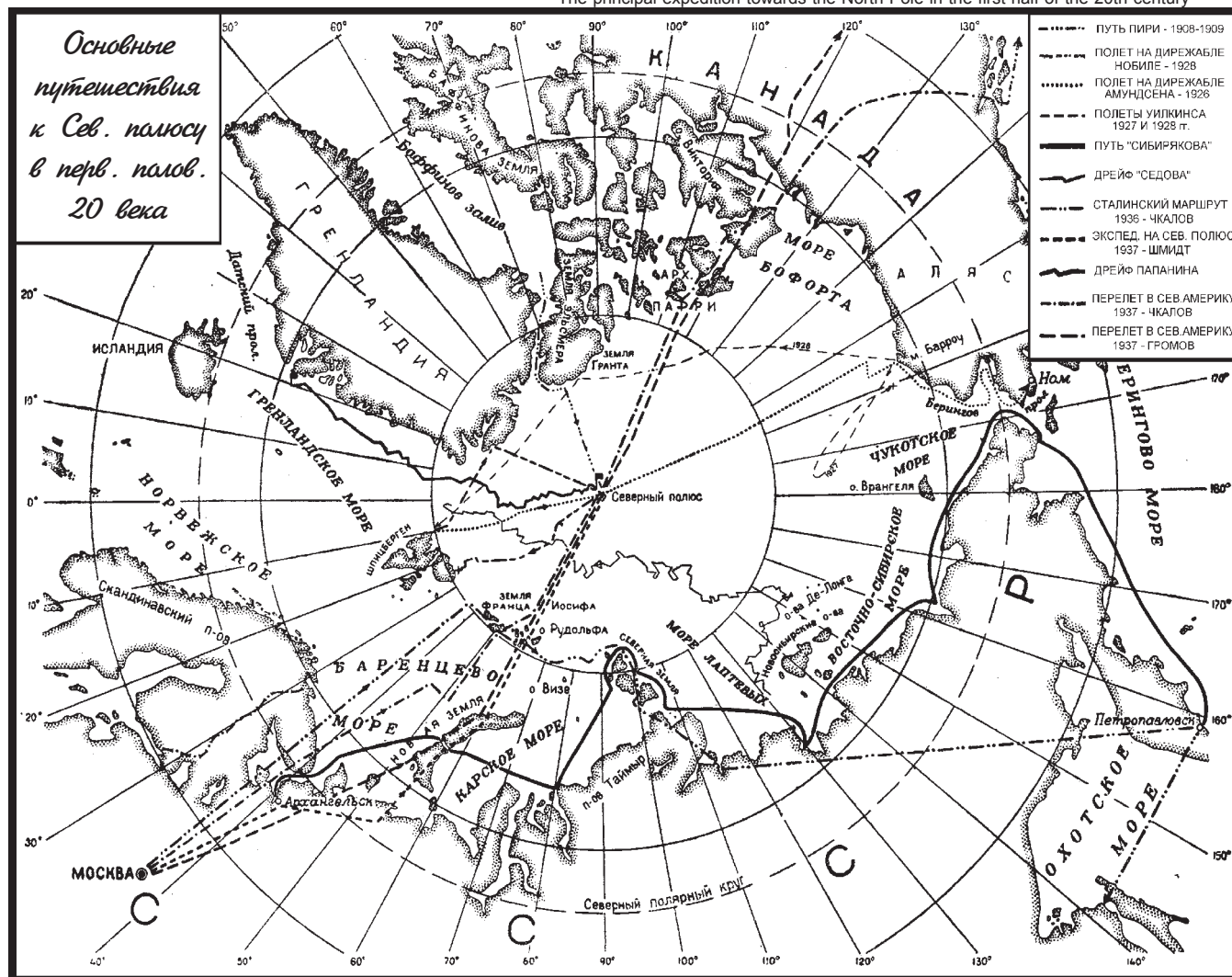
ные геологические открытия! Он и теперь занимался там геологией, но на сей раз в роли заключенного, сотрудника местной экспедиции ОГПУ... Времена, к счастью, стояли прямо-таки либеральные – десять лет тюрьмы и лагерей Виттенбургу заменили на пять, и в 1935 г. он освобожден, предусмотрительно оставшись жить и работать в тех же северных краях (полная реабилитация пришла к нему в 1957 году).

После того, как 1 декабря 1934 г. в Ленинграде был убит С.М. Киров, началась иная эпоха и в Арктике. На партийно-хозяйственных совещаниях зазвучали зловещие словечки и выражения в адрес ВАИ и его директора. Самойлович держался молодцом: ошибки признавал, себя не щадил, но никого из сотрудников в обиду не дал. Гроза вроде бы прошла стороной, летом 1936 г. директор ВАИ стал членом Совета при начальнике Главсевморпути Шмидте. В этот Совет, созданный решением Совнаркома, вошли шестьдесят самых известных в стране полярников и ученых. Были среди них и академик А.Н. Крылов, и академик А.Е. Ферсман, и академик Н.И. Вавилов, тогдаш-

ний президент Географического общества СССР, и десятки профессоров-докторов, арктических капитанов, руководителей портов,строек, зимовок. Но как же стремительно начал редеть этот список, безвозвратно стали исчезать эти люди! К декабрю 1938 г. Совет сократился почти наполовину...

На страницах ведущего полярного журнала "Советская Арктика" на долгие годы поселяются "враги народа". Враги в столичном аппарате Главсевморпути, на судоремонтных заводах, в портах, в заполярных шахтах и рудниках, на факториях и в оленеводческих совхозах, враги на суше и на море, в геологических партиях и в северных политотделах. Завершилась к 1936 г. чистка ВКП(б), и "Советская Арктика" публикует результаты по Главному управлению Северного морского пути: "Проверено 880 коммунистов, у 87 отобраны партийные билеты. Скрылись от проверок – 3, белогвардейцев и кулаков выявлено 20, троцкистов и зиновьевцев – 8, аферистов и жуликов – 12, скрывших социальное происхождение – 17". Оказался "засорен" Всесоюзный Арктический институт – "мы до него только теперь добрались"...

The principal expedition towards the North Pole in the first half of the 20th century

что весь цвет полярной науки собрался в то лето 1937 г. на трех ледокольных пароходах – "Садко", "Г. Седове" и "Малыгин". На борту первого судна находилась очередная экспедиция ВАИ во главе с Самойловичем, двадцать первая и последняя по счету его арктическая экспедиция. На трех пароходах насчитывалось 217 человек команды и научных сотрудников, а также студентов-гидрографов, проходивших на севере производственную практику.

Все три судна намертво застряли в тяжелых льдах к западу от Новосибирских островов, и дрейф повлек их на северо-запад, через Центральную Арктику и околополюсный район, примерно по тому же маршруту, что проделал в конце XIX в. нансеновский "Фрам".

В Москву на имя О.Ю. Шмидта полетела радиограмма, составленная капитанами трех судов: "Просим назначить начальником дрейфующего каравана профессора Самойловича как наиболее авторитетного для всего личного состава". Так он оказался руководителем "Лагеря трех кораблей", взвалив на свои

1937 г. был для Арктики страшен вдвойне: в ходе летней навигации в морях Северного Ледовитого океана застрял во льдах чуть ли не весь арктический флот. И естественно, в системе Главсевморпути во все возрастающих количествах стали обнаруживаться "враги". "Доказано, – утверждалось на очередном заседании в главке, – что

одним из методов врагов было на время удалиться куда-нибудь подальше из центров. А куда? Ясно, что на Север!".

А между тем сами непосредственные участники навигации 1937 г., они же потенциальные "враги народа", ведь не ведали, что их свобода и жизнь в опасности – опасностей им с лихвой хватало и в Арктике! По-

плечи бремя невероятной ответственности за судьбу судов и двух с лишним сотен людей.

Исследователь прекрасно понимал, что любая неудача будет стоить ему головы. Он заносил в дневник горькие слова в адрес некомпетентных и недобросовестных людей, руководивших в то лето навигацией в Западной и Восточной Арктике. "Видя их поразительную нераспорядительность, руководство "Садко" с большой тревогой предусматривало тяжелый итог навигации". И в том же дневнике несколькими месяцами позже появляется запись, как бы впитавшая в себя атмосферу той эпохи: "Уже во время зимовки мы узнали, что наши действия были вредительскими..."

"Лагерь трех кораблей" уносило все дальше, в сердце Центральной Арктики, жизнь на судах шла напряженно и интересно, ученые наблюдали за природой, студенты-гидрографы слушали лекции этих ученых, моряки поддерживали живучесть своих пароходов, в чем им помогали все остальные. Пятидесятишестилетний Самойлович руководил экспедицией (ставшей, к слову, первой в его жизни зимовкой) столь же уверенно, демократично и талантливо, как и всеми предыдущими. Давным-

Geologist Nikolay Urvanzev (1893-1985)

Николай Урванцев
(1893-1985)

давно, еще на заре своих полярных плаваний, он как-то записал в дневнике: "Во всяком деле, помимо всех прочих условий, обязательно необходима удача". И он был удачлив.

Его миновали жандармская пуля и столыпинская петля. Погиб Русанов, а он блестяще довершил начатое старшим товарищем на Шпицбергене. Разбилась "Италия", а он, вложив все свое знание законов Крайнего Севера в дело спасения ее экипажа, спустя три года осуществил великолепный исследовательский полет на дирижабле "Граф Цеппелин" над всей Западной Арктикой. Во всех его экспедициях ни разу не было жертв, не было тяжких травм или каких-либо крупных ЧП. Счастливчик? Везунчик? Безусловно, но вспомним на секунду восклицание Суворова по поводу "везений": "Помилуй Бог! Надо ведь когда-нибудь и умение!".

Весной 1938 г. спасательная воздушная экспедиция на трех тяжелых самолетах приступила к эвакуации зимовщиков, на судах остался минимум команды, чтобы с началом летней навигации вывести пароходы из льдов. Начальник каравана Самойлович слал на Большую землю радиogramму за радиogramмой, настаивая на том, что он должен остаться на борту "Садко" до полного завершения операции по выводу судов, однако всякий раз ему отвечали, что интересы его института настоятельно требуют возвращения директора в Ленинград.

По хмурым лицам пилотов, проводивших эвакуацию, по тому, как избегали они глядеть ему в глаза (а среди летчиков был и его давний товарищ А.Д. Алексеев), по их репликам и недомолвкам Рудольф Лазаревич, несомненно, догадывался о том, что ждет его на материке. Кому-то на Большой земле не терпелось возложить на него ответственность за срыв навигации.

18 апреля 1938 г. он издал свой последний приказ по каравану, передав обязанности начальника капитану "Садко" Н.И. Хромцову. Профессор поблагодарил товарищей по труднейшей экспедиции, пожелал удачи остающимся во льдах. И превратился в рядового пассажира. Два дня спустя он занес в дневник: "Вечером было заседание, на которое я не получил приглашения. И не пошел. Потом вернувшиеся с собрания рассказывали, что меня там чистили. Много клеветы и грязи... Не знаю, как дальше работать... Надо крепко держать себя в руках, чтобы не потерять мужества. Лишь бы только выдержало сердце. Иногда мне кажется, что оно готово выскочить из груди, так сильно болит".

На лето Самойлович уехал в кисловодский санаторий. Приняли его там прекрасно, почти ежедневно он встречался с отдыхающими из окрестных здравниц, рассказывал им о том, что проис-

ходит в Арктике. В один из дней к санаторию подъехала черная легковая машина и увезла профессора на вокзал. Никаких достоверных (подчеркну это особо) свидетельств о его судьбе с тех пор не появилось.

Весной 1957 г. его дочери получили справку о том, что приговор Военной коллегии Верховного суда СССР от 4 марта 1939 г. (расстрел с конфискацией имущества) "по вновь открывшимся обстоятельствам" отменен и "дело прекращено за отсутствием состава преступления". Согласно другой справке, выданной в 1957 г. Сокольническим загсом г. Москвы, заключенный Р.Л. Самойлович умер 15 мая 1940 г. Там, где полагается указать причину и место смерти, — чернильный прочерк.

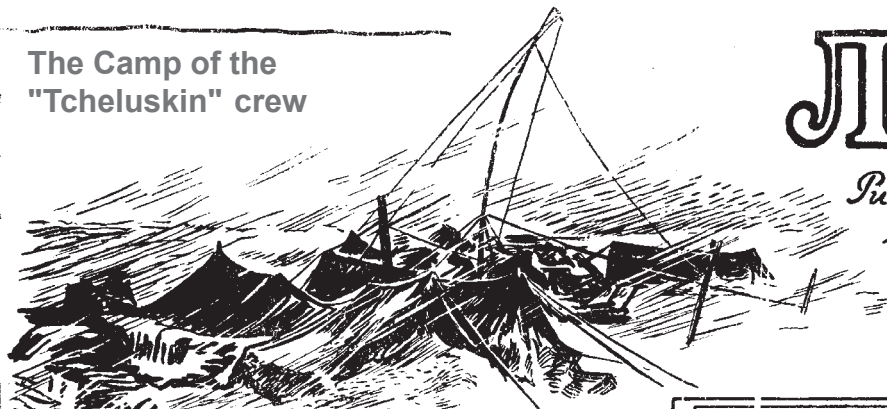
Питомцев "гнезда Самойловичева" в середине 30-х годов с шутливой уважительностью называли "Сборной Союза".

Это был цвет полярной науки и мореплавания, одаренные ученые, искусные ледовые капитаны и гидрографы, те, кто прокладывал первые маршруты по трассе Северного морского пути, по Центральной Арктике, по берегам островов и архипе-

Geologist George Ushakov (1901-1963)

The Camp of the
"Tcheluskine" crew

Первая ночь в лагере. Турга

В палатке когегаров

Дымовой сигнал
для самолетов

ЛАГЕРЬ

Рисунки челюскинца
художника Ф.РЕШЕТНИКОВА

В ЛАГЕРЬ ЧЕЛЮСКИНЦЕВ (ПОЛЯРНОЕ МОРЕ)

НАЧАЛЬНИКУ ЭКСПЕДИЦИИ г.ШМИДУ

Шлем героям - челюскинцам горячий большевистский привет. С восхищением следим за Вашей героической борьбой со стихией и принимаем все меры к оказанию Вам помощи. Уверены в благополучном исходе Вашей славной экспедиции и в том, что в историю борьбы за Арктику Вы внесете новые славные страницы.

Сталин

В. Молотов

К. Ворошилов

В. Чудовин

С. Седукин

А. Каганович

Цена номера 10 коп.
Всесоюзная Коммунистическая Партия (больш.)
ПРАВДА
Орган Центр. Ком. и Моск. Ком. ВКП(б)

АПРЕЛЬ
21
1934 г.
СУББОТА.
№ 110 (5996)

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ГЕРОИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА.

О присвоении звания ГЕРОЕВ СОВЕТСКОГО СОЮЗА летчикам, осуществившим спасение Челюскинцев.

Постановление Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР.

Отмечая беспримерную героическую работу летчиков, осуществивших спасение Челюскинцев, — Центральным Исполнительным Комитетом Союза ССР постановляет:
Присвоить звание ГЕРОЕВ СОВЕТСКОГО СОЮЗА:
ЛЕВАНТИНУ А. В. СЕРГЕЕВУ М. Т.
ДЕДОВИЧУ С. А. ПОДОЛЫНОВУ А. В.
КАМАННУ Н. П. ДОРНИНУ Н. В.
Председатель Центрального Исполнительного Комитета

ЧЕЛЮСКИНЦЕВ

Первый митинг

Расчистка шестого аэродрома

Плакаты 1937 г.

лагов Заполярья. "Сборная" существовала, покуда оставался на свободе ее "играющий тренер". С его исчезновением началась и гибель "команды", гибель в самом прямом смысле слова.

Признанным "центрфорвардом сборной" был

Михаил Михайлович Ермолаев. Он был рядом с Самойловичем в "Лагере трех кораблей", и кто мог тогда подумать, что совсем скоро многим участникам той экспедиции придется попасть в другие лагеря. Арестовали Самойловича – арестовали и Ермолаева. При обыске в доме была изъята и уничтожена готовая докторская диссертация "Оледенение Новой Земли". Один из пунктов обвинительного заключения гласил, что Ермолаев занимался "вредительским отрывом народных средств на бесплодное изучение морского дна"! Сегодня свыше четверти мировой добычи нефти ведется на шельфе, т. е. мелководном морском дне, но разве обязаны были следователи НКВД знать геологию малых глубин северных морей?!

Выжить Ермолаеву повезло, проще сказать – посчастливилось, да и очень хотелось выжить, все время теплилась надежда, а надежду дала ему Арктика, в которой он столько раз погибал, однако все-таки не погиб! Восемь лет лагерей в самых гиблых местах Европейского Севера. Собственными руками прокладывал он трассу Воркутинской железной дороги и сумел в условиях лагерного ада изобрести новый метод укладки шпал в зоне вечной мерзлоты, за что ему даже с к о с т и л и

часть "срока", который в годы войны, правда, автоматически увеличился. Затем была ссылка в Архангельскую область, и домой Михаил Михайлович возвратился после восемнадцати лет небытия.

В 1938 году не стало Михаила Эммануиловича Плисецкого, героя гражданской войны, а затем генерального консула СССР на Шпицбергене и начальника треста "Арктикуголь". С каждым годом копи на этом архипелаге, открытые Русановым и Самойловичем, давали все больше угля. Советская "столица" Баренцбург превращалась в благоустроенный заполярный шахтерский поселок. В нем появился даже оперный кружок, поставивший в начале 30-х "Русалку" Даргомыжского. Эту трогательную деталь можно было бы и не приводить, если бы не одно обстоятельство: в роли Русалочки дебютировала восьмилетняя дочка генерального консула, ставшая впоследствии всемирно известной балериной – Майей Плисецкой!

Погиб в заключении Павел Александрович Молчанов, изобретатель радиозонда. Он был рядом с Самойловичем на борту дирижабля "Граф Цеппелин", совершавшего в 1931 г. облет Западной Арктики. Во время той международной экспедиции в полярное небо были выпущены первые четыре молчановских шара-радиозонда. Это стало подлинным переворотом в метеорологии и аэрологии, вот только увидеть все результаты своего замечательного изобретения профессору Молчанову было не суждено.

Пострадали и соратники Рудольфа Лазаревича по красинской эпопее. Сгинул в 1937 г. комиссар ледокола "Красин" Пауль Юльевич Орас. Были и другие, совсем неожиданные жертвы.

Как известно, первым, услышавшим сигналы бедствия из лагеря Нобиле, был Николай Шмидт. Трагической оказалось и его судьба. После эпопеи 1928 г., прославившей его, он уехал в Среднюю Азию, служил радиоинженером в Управлении связи Узбекистана. Но, как только началась Великая Отечественная война, в ташкентские "органы" поступил донос на этого "немецкого шпиона", который у себя на дому, в маленькой комнате коммунальной квартиры якобы конструирует передатчик для связи с врагом. Обыск показал, что никакого передатчика нет и в помине, однако из обнаруженных у радиолюбителя деталей вполне можно было при желании создать таковой и установить прямую связь хоть с самим Гитлером! За это в 1942 году по приговору Военного трибунала Николай Рейнгольдович Шмидт был расстрелян в Ташкенте.

По иронии судьбы ничего этого не знали десятки лет. И после расстрела о радиолюбителе Шмидте всегда говорили и писали с уважением, публиковали его фотографии, "отобразили" его в фильме "Красная палатка". Придумывали даже ле-

Плакаты 1930 г.

генды о том, будто еще в 1929 году римский папа торжественно принял его в Ватикане и осыпал как одного из главных спасителей итальянской экспедиции бесценными подарками! И лишь в 1985 году усилиями московской журналистки Наталии Григорьевой удалось восстановить канву послекартинской биографии Шмидта и добиться его посмертной реабилитации.

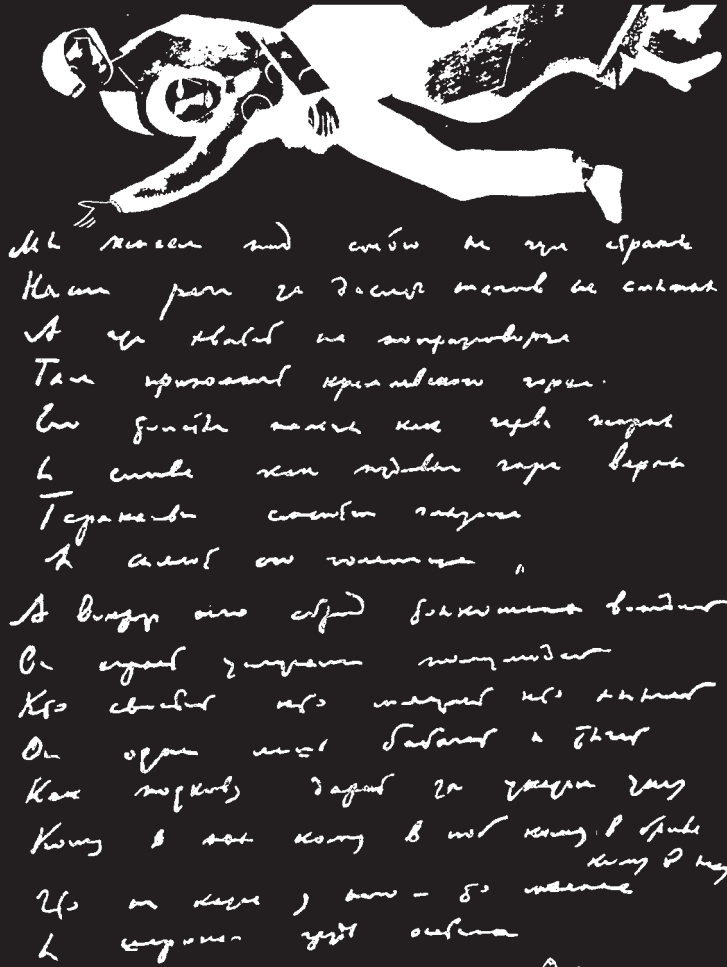
А тем временем "Сборная Союза" таяла на глазах. В Ленинграде арестовывали участников последней экспедиции Самойловича, полярных гидрографов. Начали с Петра Владимировича Орловского, первого начальника Гидрографического управления Главсевморпути. После возвращения из "Лагеря трех кораблей" он был схвачен и на восемь лет отправлен в места заключения, после чего вскоре скончался. Всего же в Гидрографическом управлении было арестовано около 15 человек и 149 уволены с работы как "чуждые элементы" (можно без труда догадаться, какая участь ожидала подавляющее большинство из них). Так поступали с арктическими гидрографами, первопроходцами Великой северной трассы, знатоками ее мелей и шхер, хранителями маяков и иных навигационных знаков, с людьми, без которых была невозможна нормальная повседневная жизнь Северного морского пути. Уничтожая их, безжалостно и бездумно "рубили сук", словно не ведая, что творят. Нет, конечно, ведали! Ведали – и все же рубили...

Отправился под конвоем в северные лагеря знаменитый лоцман Трассы Николай Иванович Евгенов, также зимовавший в составе последней экспедиции Самойловича. В 1938 г. ему припомнили происхождение, стародавнее сотрудничество с А.В. Колчаком, тесную дружбу с оказавшимися в эмиграции офицерами-гидрографами.

Пятидесятилетнего Евгенова увезли в те же края, что и Ермолаева. Первые лагерные годы он работал на лесосплаве, поддерживая существование... плетением лаптей!

Потом повезло: его сделали наблюдателем метеостанции в Котласе. Николай Иванович давал прогнозы вскрытия северных рек, и нетрудно сообразить, чем рисковал в случае неудачи ссыльный прогнозист. Он выжил и по окончании войны вернулся в Ленинград, дождался полной реабилитации и умер в 1964 году всеми уважаемым ученым, доктором географических наук, почетным полярником.

Вакханалия разоблачений не сбавляла накала. "Вредителей" находили и в ленинградском Институте народов Севера, и... в столичном Парке культуры и отдыха имени Горького, где развернулась подготовленная сотрудниками Арктического института выставка. На ней, в частности, экспонировались всевозможные карты, модели, схемы,

Автограф стихотворения "Мы живем, под собою не чуя страны...", записанный Осипом Мандельштамом в 1934 году во время допроса в НКВД. (Автограф передан в ЦГАЛИ из КГБ СССР в 1989 г.)

СТИХИ ИЗ ПРИГОВОРА

Ìù æeàâi, ïã ñáîp íá ÷óý ñòðáíù,
Íáøe ðá÷è çà ááñýòù ðááîá íá ñëùðíù,
À áãá ðáàðòèò íá ïëðáçáíáððà,
Òàì ïðèìèýò èðáèèáññèíáí áîððà.
Ááí òíèñòóá íáèùòù, èàè ÷áðáè, æèðíù,
È ñèíáà, èàè íóáíáùá àèðè, ááðíù,
Òàðáèáíùè ñíàðòñý áèàçèùá
È ñèýðò ááí áíèèáèùá.

À áíèððá íááí ñáðíá òíèèðáèò áíæááè,
Íí èáðáàò òñèóááèè ïíèóèðááè.
Èòì ñáèñòèò, èòì ïýó÷èò, èòì óíù÷áò,
Íí íáèè èèøù áááá÷èò è òù÷áò.
Èàè ïíáèíáò, áàðèò çà èèáçí èèáç –
Èííò á íáð, èííò á èíá, èííò á áðíáù,

áèáç.
×òì íè èàçíù ó íááí – òì íàèèá
È ðèðíèáý áððáù ïñàðèíá.

Poet Osip Mandelstam (1891-1938)

О.Э. Мандельштам
(1891-1938)

Íýýáðù 1933

Hand-written original of the poem "We live, not sensing the country under us...", written by Osip Mandelstam during NKVD interrogation. (Original transferred from KGB archive to TsGALI in 1989)

Memorial to Northern Sea Sailors, in village of Dixon

многочисленные образцы полезных ископаемых. Обрушившись на "проявивших халатность" организаторов выставки, журнал "Советская Арктика" гневно взывал: "Мы должны уметь хранить государственную тайну, оберегать ее от диверсантов, троцкистско-бухаринских шпионов!" Это был откровенный удар по геологам-северянам.

Оказывается, объединившись в Арктическом институте, они на весь мир трубили об открытиях, выставляли напоказ минералы и горные породы "для построений спекулятивного характера, для создания себе имени и авторитета "ученых". Эта группа пользовалась неограниченной поддержкой и защитой со стороны директора Самойловича". Одновременно делался злобеший намек на то, что пробравшиеся в Главсевморпуть агенты "скрывали от родины богатства Арктики" — это уже прямое обвинение в адрес другого выдающегося полярного геолога, Николая Николаевича Урванцева.

Вместе с Георгием Алексеевичем Ушаковым они были первоисследователями острова Врангеля и архипелага Северной Земли. За два года тяжелой работы (1930–1932) они всесторонне изучили и нанесли на карту этот суровейший архипелаг планеты, пройдя на собаках и

Поларный геолог Михаил Ермолаев (1905-1991)

Поларный геолог Михаил Ермолаев (1905-1991)

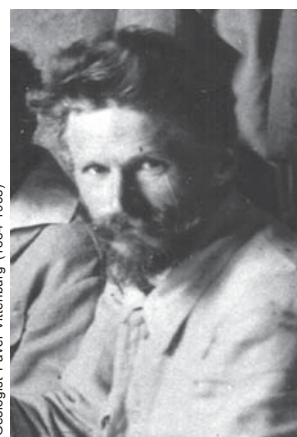
Памятник морякам-североморцам в пос. Диксон

пешком свыше пяти тысяч километров. Это был истинный подвиг, за который начальник экспедиции Ушаков и Урванцев были удостоены орденов Ленина (звания Героя тогда еще не существовало).

В 1938-м Урванцева посадили. А ведь он был геологом-поисковиком мирового класса, автором крупнейших открытий, сделанных еще в 20-х годах на Таймыре. Одно из них — нынешнее Норильское медно-никелевое месторождение. Когда минуло небытие и Урванцев вернулся на Большую землю, они с Георгием Алексеевичем Ушаковым сердечно обнялись и долго стояли так, не произнося ни слова...

Позднее Урванцев рассказывал: "В 1938-м меня взяли и дали пятнадцать лет. Апеллировал в Верховный суд, и через два года, представьте себе, приговор отменили. Вернулся в Ленинград, а тут как раз скончался Юлий Михайлович Шокальский, он, если не знаете, приходился родным внуком достопочтенной Анне Петровне Керн. Я стоял в траурном карауле у его гроба, многие знакомые меня увидели, и по Ленинграду поползли слухи: дескать, вранье все это, будто наши органы невинных не сажают — еще как сажают! Вон Урванцева выпустили, значит, зря сидел? Вскоре после этого НКВД, чтобы поддержать свою репутацию, меня снова забрало. И дали мне восемь лет за то, что я по своей буржуазной сути должен был принадлежать к вредительской группировке. Мало того, я в ожидании реставрации капитализма в нашей отчужденной стране скрыл от Советской власти истинные богатства Таймыра, а за это мне был обещан пост министра геологии в новом, то ли колчаковском, то ли врангелевском, то ли еще каком правительстве!"

Из ведущих ученых Арктического института не репрессировали, кажется, одного В.Ю. Визе. Но как же его шельмовали, как оскорбляли, как угрожали ему еще долгие-долгие годы! В конце концов члена-корреспондента АН СССР, лауреата Сталинской премии Визе вынудили покинуть институт, и он нашел пристанище на географическом факультете ЛГУ, деканом которого был его ученик Герой Советского Союза профессор Виктор Хар-

Geologist Pavel Vittenburg (1884-1968)

П.В. Виттенбург (1884-1968)

Издающихся ученых Арктического института не репрессировали, кажется, одного В.Ю. Визе. Но как же его шельмовали, как оскорбляли, как угрожали ему еще долгие-долгие годы! В конце концов члена-корреспондента АН СССР, лауреата Сталинской премии Визе вынудили покинуть институт, и он нашел пристанище на географическом факультете ЛГУ, деканом которого был его ученик Герой Советского Союза профессор Виктор Хар-

Издающихся ученых Арктического института не репрессировали, кажется, одного В.Ю. Визе. Но как же его шельмовали, как оскорбляли, как угрожали ему еще долгие-долгие годы! В конце концов члена-корреспондента АН СССР, лауреата Сталинской премии Визе вынудили покинуть институт, и он нашел пристанище на географическом факультете ЛГУ, деканом которого был его ученик Герой Советского Союза профессор Виктор Хар-

лампович Буйницкий.

По словам тех, кто его хорошо знал, был Владимир Юльевич человеком тихим, застенчивым, не способным защитить ни себя, ни других. Но вчитайтесь в его главную историко-географическую книгу "Моря Советской Арктики", и вы будете ошарашены тем, сколько имен загубленных, обогнанных арктических исследователей рискнул упомянуть автор монографии, вышедшей отнюдь не в самую светлую пору отечественной демократии – в 1948 году! Здесь и Евгенов, и Ермолаев, и Урванцев, и Лавров. Главный строитель Игарки, награжденный за это в 1934 г. орденом Ленина, начальник треста "Нордвикстрой", призванного дать Арктике собственную нефть, Борис Васильевич Лавров был арестован в 1939 г., и лишь совсем недавно выяснилось, что его расстреляли в лагере в самом начале войны.

Хватали, сажали, ссылали, мучили и расстреливали полярных гидрографов, полярных геологов, полярных моряков – капитанов, радистов и механиков. Моряки на Крайнем Севере, надо заметить, особо уязвимы: если аварийность на любом флоте и по сей день весьма велика, то в Заполярье к непредсказуемой стихии океана прибавляется еще стихия льда и многомесячной полярной ночи, и понятно, что редкая навигация на Северном морском пути обходится без происшествий, а то и аварий. Там же, где авария, там в былые годы мгновенно звучало универсальное слово: "враг".

Арктических моряков преследовали и до, и после, и во время Великой Отечественной войны. Бесследно исчез Дмитрий Сергеевич Дуплицкий, руководивший в 1934 г. сквозным плаванием по Северному морскому пути ледокола "Литке" и получивший за тот рейс орден Ленина. Жестоко обошлись с именитым капитаном-ледокольщиком Юрием Константиновичем Хлебниковым, кавалером ордена Ленина за предвоенные навигации и редчайшего для моряка гражданского флота ордена Нахимова – за войну, за героические плаванья на ледоколе "Микоян" и других ледокольных кораблях. А уже после войны капитана Хлебникова отправили, как он любил выражаться, "на сталинский курорт", в шахты Воркуты, где ему предстояло в течение десяти лет быть "почетным шахтером"...

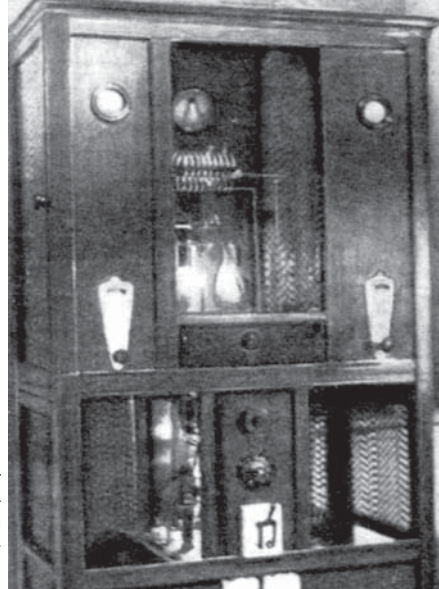
Но наступил 1953 год, и Юрий Константинович, промучившись "всего" шесть лет, снова вернулся в Арктику, на капитанский мостик, и года за два до кончины в 1976 году, уже на пороге семидесятилетия, совершил свой последний рейс на танкере в роли капитана-наставника.

Особенно чудовищными выглядят репрессии времен Отечественной войны. 11 сентября 1941 года ледокольный пароход "Садко" наскочил в Карском море на подводную мель. Океан был неспо-

Radoman Nikolay Shmidt

Радиолобитель Николай Шмидт с построенным им приемопередатчиком. Он первым услышал сигналы терпящей бедствие экспедиции Нobile

коен, и судно, продержавшись на плаву двое суток, затонуло. Экипаж спасли моряки с подошедшего ледокола "Ленин". Погиб один кочегар, обварившийся паром. И, несмотря на то, что злополучная мель не была отмечена ни на одной лоцманской карте, а это по всем законам (начиная с понятия здравого смысла) снимает всякую ответственность с капитана, тем более полярного (льды вынуждают штурманов все время маневрировать, резко менять курс), Александр Гаврилович Корельский, испытанный и храбрый архангельский помор, был расстрелян в самом начале войны по обвинению во вредительстве и предательстве!

Slogan on the poster: "GPU. Counterrevolutionary. Saboteur.", 1936

Плакаты 1936 г.

Во время войны были арестованы знаменитые на Севере летчики Фабио Брунович Фарих и Василий Михайлович Махоткин (по чьему-то "недосмотру" остров пилота Махоткина в Карском море так и не "стерли" с географической карты, как переименовали, скажем, остров Самойловича в остров Длинный или остров Бухарина в остров Тройной). Оба летчика, к счастью, выжили, вернулись после войны из лагерей, однако полярная авиация лишилась и того, и другого.

Выжил и любимец всего Главсевморпути, остроослов и "анекдотчик", автор самых знаменитых арктических розыгрышей бортмеханик Николай Львович Кекушев. Он был сыном известного московского архитектора (строившего, в частности, "Метрополь"), но всю свою жизнь посвятил Заполярью. За свой "длинный язык" Львович, как любовно называли его друзья, не раз попадал в поле зрения "органов" и в самом начале 30-х очутился не по своей воле на Ухте. Но тогда это оказалось всего лишь эпизодом, и вскоре Кекушев вернулся в северное небо. Он заслужил несколько боевых орденов за гражданскую войну и за Отечественную, когда в экипаже Г.К. Орлова летал в осажденный Ленинград (они совершили пятьдесят девять полетов через линию фронта, вывозя из блокады ученых Арктического института и научные архивы).

За участие в полярной экспедиции 1937 года Николай Львович получил орден Ленина (именно он выбросил в точку полюса "десант" из разноцветных куколок). Но никакие награды не спасли от расправы – в 1948-м его по этапу отправили в лагерь Джезказгана.

И что уже совершенно

невозможно себе вообразить, что в годы репрессий людей арестовывали прямо на зимовках, на крошечных полярных островках, куда не каждое лето приходил пароход со сменой людей и продуктами, куда из-за отсутствия посадочной площадки не прилетал самолет (а вертолетов тогда просто не существовало), где в течение многих меся-

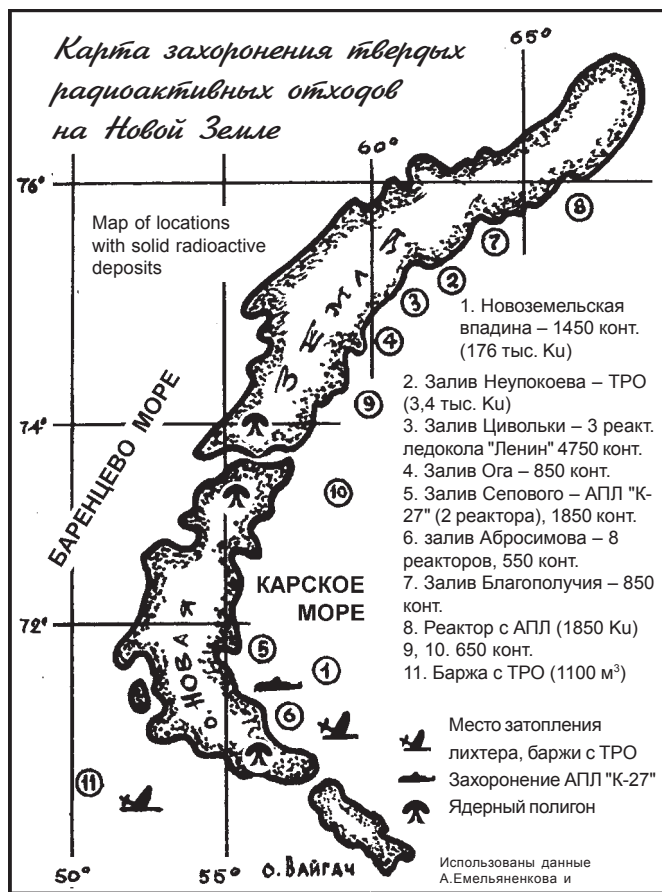
цев, а то и лет жили бок о бок несколько человек, боролись с пургой и арктической ночью, вели гидрометеорологические наблюдения, поддерживали радиосвязь, безмерно тосковали о близких и мечтали о той сладостной поре, когда можно будет вернуться на Большую землю.

Такой оказалась судьба полярника-зимовщика Филиппа Ивановича Балабина, бывшего начальника полярной станции "Остров Рудольфа" в архипелаге Земли Франца-Иосифа, где он зимовал в 1932-1933 годах. В архиве В.Ю. Визе хранится записка Балабина из тюрьмы к жене. На обрывке картона от

пачки рафинада написано: "Береги ребят. Не заботься обо мне, не траться на меня..." И дата: 26 декабря 1937 года.

Репрессии уничтожали всех подряд, как говорится, от солдата до маршала. Не пощадили даже героев-челюскинцев, тех, кто принес стране славу, возвысил сталинскую державу в глазах всего человечества (знаменитый английский писатель Бернанд Шоу воскликнул тогда, в 1934 г.: "Что вы за люди, большевики, – даже полярную трагедию они сумели превратить в свой триумф!").

Канули в безвестность два из трех заместителей О.Ю. Шмидта по челюскинской экспедиции, Алексей Николаевич Бобров и Илья Леонидович Баевский, чудом избежал ареста третий, Иван Алексеевич Копусов. Умер в заключении Павел Константинович Хмызников, доктор географических наук, один из авторов проекта воздушной экспедиции на Северный полюс, который он вынашивал, находясь на челюскинской льдине...

Hydrograf Nikolay Evgenov (1888-1964)

Гидрограф Н.И. Евгенов (1888-1964)

Если говорить о "маршалах" Арктики, военных и гражданских, то первым, очевидно, необходимо вспомнить командующего Северным флотом флагмана I ранга Константина Иванович Душенова, расстрелянного за год до начала войны. А Герой Советского Союза, папанинец, начальник Гидрометеослужбы СССР Евгений Константинович Федоров был судим постыдным "судом чести" за так называемое низкопоклонство перед Западом, а его заместитель, тоже заслуженный полярник-зимовщик, Яков Соломонович Либин был доведен до самоубийства!

В "Архипелаге Гулаге" Александра Солженицина есть такие строки: "Северная Двина, Обь и Енисей знают, когда стали перевозить арестантов в баржах... Эти реки текли на Север прямо, а баржи были брюхаты, вместительны – и только так можно было управиться, сбросить всю эту серую массу из живой России на Север неживой. В корытную емкость баржи сбрасывались люди и там лежали навалом, и шевелились, как раки в корзине. А высоко на бортах, как на скалах, стояли часовые. Иногда эту массу так и везли открытой, иногда покрывали большим брезентом – то ли чтоб не видеть, то ли чтоб лучше охранять, не от дождя же. Сама перевозка в такой барже была уже не этапом, а смертью в рассрочку. К тому ж их почти и не кормили, а выбросив в тундру – уже не кормили совсем.

Их оставляли умирать наедине с природой".

Начальник Главсевморпути и одновременно министр Морского флота СССР А.А. Афанасьев, отбывавший ссылку на Крайнем Севере с 1948 по 1952 г. по обвинению в шпионско-вредительской деятельности, спустя три десятка лет вспомнил один эпизод из не столь уж далекого прошлого:

– Вызывают меня как-то к Сталину по неотложным арктическим делам. Являюсь, а у него уже сидит в кабинете министр внутренних дел Круглов. Сталин начал расспрашивать меня о ходе очередной навигации, о строительстве новых ледоколов. И вдруг – вопрос:

"Скажите, товарищ Афанасьев, как там у вас в Заполярье решается проблема рождаемости?" Я, нужно сказать, растерялся, потому что никак не ожидал подобного вопроса.

И тут Круглов меня выручил: "Разрешите доложить, товарищ Сталин, с рождаемостью на Крайнем Севере все в порядке. У нас весь контингент разделен там на зоны, мужскую и женскую, поэтому о рождаемости не может быть и речи. Наши товарищи за этим внимательно следят!".

Вероятно, вождя такой ответ вполне удовлетворил.

Во всяком случае, как вспоминает А.А. Афанасьев, недовольства Сталин не выказал и дополнительных вопросов не задал.

И не приди в Россию спасительный март 1953 года, не известно, как далеко опыт Заполярья зашел бы в остальные Зоны Его государства.

*Но песня петь не перестала
Про чью-то боль,*

про чью-то честь.

*У ней и мужества достало
Мученья славе предпочесть.*

*Она звучит в едином хоре
Зверей и снежных рюпаков,
Ей вторит Баренцево море –
Стихия вовсе не стихов.*

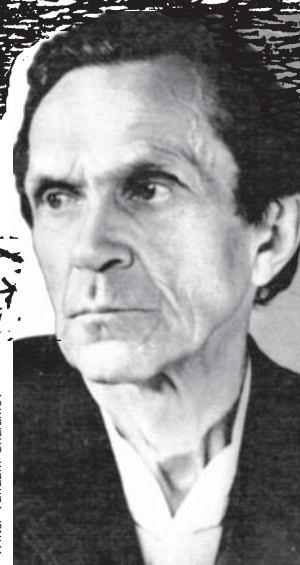
*И на ветру скрипят ворота
Всех заполярных городов,
И песня выйдет из болота,
И доберется до садов.*

*Пусть сапоги в грязи и глине,
Она уверенно идет,
И рот ее в лесной малине,
Сведенный судорогой рот.*

*Она лишайниковой пылью
Покрыта с ног до головы,
Она стоит таежной бэлью –
Перед заставами Москвы.*

Ààðëàì Øàëàììà

Winter Varlaam Shalamov

В.Т. Шаламов (1907-1982)